УДК 327

Виктор КИРИЛЛОВ

Игорь ПУТИНЦЕВ

БАЛКАНЫ В 2010-е гг.: ГОМОГЕНИЗАЦИЯ РЕГИОНА ПОД ВЛИЯНИЕМ ЗАПАДА И РОЛЬ РОССИИ

Аннотация. Балканы всегда были местом интенсивного взаимодействия и соперничества внешних сил. К настоящему времени в регионе прочно закрепилось влияние Запада, что является ключевой предпосылкой для гомогенизации Балкан – развития общерегиональных черт, существенно ослабленных в XX в. В данной работе исследованы инструменты и последствия воздействия Запада на политические процессы в регионе и проанализированы сложности, с которыми сталкивается Россия в попытках сохранить и развить связи с балканскими странами. В существующих условиях РФ не имеет возможности активно конкурировать с Западом за влияние на Балканах, что требует аккуратной, реалистической постановки задач и концентрации ограниченных по объёму ресурсов на отдельных направлениях. К числу данных задач можно отнести завершение строительства “Турецкого потока”, поддержание дружеских отношений с Сербией и боснийскими сербами, попытки реанимировать неудавшиеся проекты в рамках сотрудничества с Болгарией и не допустить развития межцерковного противостояния с втягиванием в него балканских православных церквей.

Ключевые слова: Россия, Балканы, Западные Балканы, расширение ЕС, расширение НАТО, Сербия, Болгария, Греция, Румыния, Босния и Герцеговина.

Балканы единые и разобщённые: история и современность

Балканский регион, всегда отличавшийся неоднородностью и сложностью внутренних взаимоотношений, имеет, тем не менее, своё собственное лицо. Исторически основные элементы общности культуры и политических традиций большинства стран региона были связаны с унифицирующим влиянием Византийской и

© **Кириллов Виктор Борисович** – кандидат исторических наук, проректор по учебной работе МГИМО МИД России, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76. **E-mail:** kirillov-victor@rambler.ru

Путинцев Игорь Сергеевич – помощник проректора по учебной работе МГИМО МИД России, заместитель декана факультета довузовской подготовки. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76. **E-mail:** isp90@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120205968>

Османской империй. Прямое правление Византии было недолгим и в целом неустойчивым, однако её опосредованное влияние стало определяющим для многих народов в сфере религии, культуры, политической практики. Это предопределило возникновение в XX в. таких взаимно дополняющих концепций, как “Византийское содружество наций” Д. Оболенского и “Византия после Византии” Н. Йорги. Многовековое османское правление тоже привнесло элементы общности в развитие Балкан. В основе османской традиции управления лежало объединение разных народов, принадлежащих к одной религии, в общины – миллеты (мусульманский, православный и др.), а также опора на греческую элиту и Вселенский патриархат в управлении народами православного миллета.

В связи с ослаблением в XIX в. Османской империи, подъёмом национально-освободительных движений, усилением давления великих держав Балканы стали утрачивать единство. Народы начали расходиться по “национальным квартирам”, зачастую находившимся под покровительством соперничающих друг с другом внешних сил. Зарождение, развитие и попытки реализации идей национализма в бескомпромиссной, великодержавной форме (“великая идея” в Греции, идеи “Великой Болгарии”, “Великой Румынии” и др.) в XIX – XX вв. кардинально изменили облик региона как места сосуществования в едином пространстве различных народов, культур, религий. Беспрестанные попытки перекроить политические и этнические границы во многом стали определять облик региона для внешнего мира [Todorova, 2009: 184]. Помимо войн, символом перемен, произошедших в регионе в XX в., стало изменение облика Константинополя и Салоник. Из главных центров космополитического мира Балкан один превратился исключительно в турецкий город, другой в греческий.

Ни в Первую мировую войну, ни в межвоенный период, ни во Вторую мировую войну балканские страны не оказывались по одну сторону баррикад. Во время холодной войны нигде в Европе не наблюдалось такого разнообразия форм политического поведения, как на Балканах: здесь были и враждующие друг с другом страны НАТО (Греция и Турция), и союзники СССР (лояльная Болгария и ненадёжная Румыния), и неприсоединившаяся Югославия, и Албания. Единство региона, частично сохранившееся в культуре, традициях, внешнем облике Балкан, в политическом отношении было утрачено и не было восстановлено на протяжении всего XX века.

Конец холодной войны принёс новые проблемы и конфликты, связанные с распадом Югославии, но одновременно впервые за долгое время на рубеже XX–XXI вв. произошло включение всего региона в орбиту влияния только одной внешней силы – коллективного Запада¹. В настоящее время Евросоюз становится своего рода новой империей для балканского региона, в рамках которой происходит сглаживание внутренних противоречий при сохранении их причин и конфликтного потенциала. Как и в прежние эпохи, доминирование только одной внешней силы способствует формированию новых общерегиональных черт. Происходит гомогенизация

¹ Отдельные различия в политике ведущих стран Запада в отношении балканского региона не рассматриваются в рамках данной статьи, поскольку в целом преобладают общие подходы и скоординированные действия.

региона, связанная с его поэтапной интеграцией в ЕС и НАТО и принятием единых стандартов внешне- и внутривластного поведения. Данный процесс можно охарактеризовать как “догоняющую имитирующую модернизацию” [История Балкан, 2017: 485].

Система доминирования Запада на Балканах

К настоящему времени сложилась система устойчивого доминирования Запада на Балканах, вызов которой в обозримой перспективе не может бросить ни одна другая внешняя сила. Утверждения, что у России есть гипотетическая возможность “оторвать” отдельные страны региона от Запада [Wolff, 2015: 1115], не подкреплены фактами. Изменение баланса сил после окончания холодной войны и расширения НАТО на восток, а также абсолютное преобладание Запада в структуре внешнеторговых, инвестиционных и финансовых связей балканских стран исключает для них равнозначные внешнеполитические альтернативы. На основе анализа, проведённого П.Е. Канделем, можно также выделить такие немаловажные факторы, как традиционную для государств Балкан боязнь региональной изоляции, стремление их лидеров к внешней легитимации своей власти и результатов проведённых преобразований (в том числе итогов приватизации), сильное влияние Запада на деятельность СМИ и неправительственных организаций, наличие у балканских лидеров тёмных пятен в биографии, усиливающих уязвимость перед внешним давлением [Кандель, 2018а: 52–53].

От действий ЕС в 2010-е гг. напрямую зависело развитие событий по таким важнейшим для стран региона вопросам, как греческий долговой кризис, сербско-косовский и греческо-македонский споры, будущее Боснии и Герцеговины, присоединение Хорватии к ЕС, вступление Черногории в НАТО и её попытки укрепить собственную идентичность в противовес сербской. Ключевое значение для Брюсселя имеют проблемы европейской интеграции стран Западных Балкан. По данному вопросу регион стал полигоном для усиления координирующей роли Еврокомиссии в реализации общей внешней политики и политики безопасности ЕС [Amadio Vicerè, 2018: 148], а страны Западных Балкан намного более активно развивают сотрудничество с ЕС, чем друг с другом [Dreißack, 2016: 200].

С учётом отсутствия реальной альтернативы Западу США и ЕС стали выступать в роли арбитра не только в спорах между различными государственными образованиями Балкан, но зачастую и по вопросам внутривластной повестки. При этом цели, преследуемые западными странами, нередко входили в противоречие с характером общественных настроений в регионе и интересами балканских государств во внешней политике и экономике.

Примеров тому немало. Так, уступки Белграда и Приштины в процессе инициированного ЕС диалога вызывают широчайшее неприятие как у сербов, так и у косовских албанцев. Брюссельское соглашение 2013 г. было достигнуто лишь после требования преодолеть разногласия за две недели [Amadio Vicerè, 2018: 159]. Преспанские соглашения 2018 г. между Афинами и Скопье не были подкреплены результатами референдума в Македонии. Их удалось утвердить в парламентах обеих стран лишь с помощью голосов отдельных депутатов от оппозиции. В том же клю-

че можно оценить давление со стороны ЕС на правительство Румынии во время политического кризиса 2012 г. Отстранённый парламентом президент Т. Бэсеску, за отставку которого проголосовало 87,5% участников референдума, сохранил должность вследствие неочевидной интерпретации норм избирательного законодательства, противоречившей ранее существовавшей и впоследствии восстановленной практике [Perju, 2015: 267–270, 276–277]. В ЕС также подвергся критике референдум в Греции 2015 г. Его результаты были проигнорированы. Когда в Албании власти и оппозиция в 2016 г. не могли договориться о масштабной реформе конституции, всё решил десант в Тирану заместителя госсекретаря США В. Нунланд и многочасовые переговоры в американском посольстве [Энтина, Пивоваренко, Новакович, 2018: 5].

Данный список непопулярных на Балканах действий западной дипломатии можно долго продолжать. При этом ни демократические процедуры, ни недовольство общества и политической элиты не являются для США и ЕС препятствием в вопросах, представляющих для них реальный интерес. Показательно, что те страны Западных Балкан, которые дальше других продвинулись на пути интеграции в ЕС, отличаются наибольшим в регионе подъёмом евроскептицизма [Belloni, 2016: 535].

Запад по своему усмотрению устанавливает правила игры и критерии, которым должны соответствовать балканские государства, и сам определяет степень достигнутого прогресса. Прежде всего, это касается процесса европейской интеграции Западных Балкан [Кандель, 2018б: 21], но также и других вопросов. Ярким примером является отношение к принципу территориальной целостности. Он не соблюдался в отношении СФРЮ, Сербии и Черногории как единого государства, затем – Сербии. Применительно к границам Косово он возводится в абсолют (в частности, Германией), что создаёт дополнительные сложности при попытках достичь компромисса между Белградом и Приштиной посредством обмена территориями [Пудовкин, Басисини, 2018]. Явное противоречие содержится также в отношении Запада к праву на самоопределение косовских албанцев и боснийских сербов [Bobić, 2015: 97]. “Двойные стандарты” проявляются также в отношении к невыполнению достигнутых договорённостей. Например, обещанное Приштиной Сообщество сербских муниципалитетов так и не было создано, что не повлекло никаких санкций со стороны Запада.

Поскольку многие из инициатив Запада на Балканах не имеют достаточной общественной поддержки, растёт роль традиционных элит как проводников западного влияния. Несмотря на то что многие балканские лидеры (М. Джуканович в Черногории, Т. Бэсеску в Румынии, Х. Тачи в Косово и др.) имеют неоднозначную репутацию, их воспринимают на Западе “своими”. Данная линия способствует не модернизации сложившихся на Балканах традиционных, клановых политических институтов, а их консервации [Вишняков, Пономарева, 2018: 112]. Процессы модернизации и трансформации зачастую “отданы на откуп местным лидерам” [Энтина, 2016: 109], заинтересованным в их имитации, а не реальных изменениях в духе ценностей, декларируемых ЕС.

Россия на Балканах в 2010-е гг.: проблемные точки

России в 2010-е гг. не удалось заблокировать ни одну ключевую западную инициативу в регионе. Во-первых, в НАТО вступила Черногория, причём последствия данного события для двусторонних отношений оказались значительно более тяжёлыми, чем в случае других стран Восточной Европы, ранее принятых в НАТО. Степень резкости восприятия данного вопроса в России не соответствовала его реальному значению для интересов безопасности. Острота темы объяснялась спровоцированным Подгорицей беспрецедентным скандалом и неоправдавшимися ожиданиями, что историческая дружба и масштаб российских вливаний в черногорскую экономику предотвратят развитие ситуации по негативному сценарию.

Во-вторых, Преспанский договор 2018 г. открыл двери в НАТО для Македонии (теперь уже Северной). Как и в случае с Черногорией, восприятие данной проблемы оказалось более острым, чем сама проблема. Российской стороне казалось, что процесс удастся остановить вследствие очевидного несоответствия демократическим принципам и процедурам, а также надежды на использование потенциала отношений с Грецией по линии политических контактов с А. Ципрасом и межцерковных связей. Лидер “Сиризы” же, несмотря на свой радикальный образ, выступил лишь продолжателем традиционного для Греции внешнеполитического курса, что напомнило опыт А. Папандреу в начале 1980-х гг. [Bechev, 2018: 7]. С учётом того, что для Греции отношения с Россией традиционно не имели стратегического характера [Filis, 2017: 250], данный исход был вполне предсказуем.

В-третьих, ни бомбардировки НАТО в 1999 г., ни признание большинством стран Запада независимости Косово в 2008 г. в итоге не стали непреодолимым препятствием для сближения Сербии с Брюсселем, а отчасти даже с НАТО. Главным стратегическим приоритетом Белграда остаётся вступление в ЕС. Попытки сочетать данный приоритет с демонстрацией дружбы с Россией являются успешными лишь до тех пор, пока Брюссель не оказывает сильного давления. В перспективе возможности Сербии сохранить выбранный курс весьма ограничены [Kovačević, 2019: 8–9]. Официально Москва никогда не выступала против идеи вступления Сербии в Евросоюз, но её реализация на практике повлечёт за собой немало проблем. В их числе отмена режима свободной торговли с Россией и присоединение Белграда к Общей внешней политике и политике безопасности ЕС. Это обострит вопрос об антироссийских санкциях и может повлечь за собой заморозку сотрудничества в военной и военно-технической сфере, а также по линии совместного гуманитарного центра в Нише.

В-четвёртых, России не удалось наполнить реальным содержанием сотрудничество с Болгарией, перспективы которого были, как ранее казалось, весьма многообещающими. В энергетике как главной сфере двусторонних отношений в первой половине 2010-х гг. сорвались все крупные проекты, в развитие которых было вложено немало сил и средств: нефтепровод “Бургас – Александруполис”, АЭС “Беле-не” и газопровод “Южный поток”. В реализации энергетической политики София подверглась систематическому давлению со стороны США и ЕС [см., например: Bobić, 2015: 103; Maltby, 2015: 823–824]. Руководствуясь политическими соображениями, страны Запада игнорировали законные интересы Болгарии и других бал-

канских стран в модернизации топливно-энергетического комплекса и укреплении своей роли как транзитных стран. Недавние события (присоединение Софии к проекту “Турецкий поток” и повторная проработка вопроса об АЭС “Белене”) наглядно демонстрируют, что страны Запада в итоге так и не предложили Болгарии альтернативные варианты, которые могли бы заменить российские проекты.

Немаловажно также, что “мягкую силу” России на Балканах подрывает усиление противоречий между православными церквями. Спор о каноническом статусе украинской церкви привёл к кризису в отношениях Московского патриархата не только с Вселенским патриархатом в Константинополе, но и с Элладской, а также Александрийской церковью. По церковной линии затруднены связи с Афоном, с которым у многих представителей российской элиты были выстроены тесные отношения: пожертвования, паломничества, общение с духовниками и др. [Скрыльников, Приймак, 2018]. Неясно будущее Пантелеимонова монастыря на Афоне, имеющего большое символическое значение для Русской церкви и русско-греческих церковных связей. Помимо этого, существует спор между Русской и Румынской православными церквями относительно Молдавии. В Черногории государство пытается способствовать разрыву с Сербской православной церковью, пока сохраняющей преобладающие позиции. Не способствовала укреплению единства православного мира и попытка созыва Всеправославного собора в 2016 г., в котором не приняли участие представители Русской, Болгарской, Антиохийской, Грузинской церквей, а Сербская церковь решила участвовать в последний момент. В конечном итоге православный мир сегодня разобщён гораздо больше, чем во времена холодной войны [Кравец, 2019: 61]. В данной ситуации конфессиональный фактор стал не инструментом “мягкой силы” РФ на Балканах, а источником дополнительных проблем и противоречий.

Кроме того, в последнее десятилетие существенно расширился перечень проблем, осложняющих отношения России и Румынии. Курс Бухареста на выстраивание особых отношений с США сопряжён с активным оппонированием России по всем основным вопросам, представляющим важность для двусторонних отношений. В 2010-е гг. к данным проблемам добавилось, в первую очередь, размещение элементов противоракетной обороны США на базе Девеселу. После украинского кризиса 2014 г. активизировались попытки Бухареста установить постоянное военное присутствие НАТО в Чёрном море. По инициативе Румынии и Польши была создана “бухарестская девятка” стран ЦВЕ с целью консолидировать восточный фланг НАТО. Все политические силы страны демонстративно дистанцировались от любых контактов с Россией, включая социал-демократов, которые прежде ассоциировались с конструктивным подходом к отношениям с Москвой [Goşu, 2016: 572, 575]. Фактором ослабления влияния России в среднесрочной и долгосрочной перспективе является также динамика политических процессов в Молдавии, где планомерно усиливаются панрумынские настроения и влияние Румынии.

Наконец, отношения России с Республикой Сербской в составе Боснии и Герцеговины, которые позитивно развивались в 2010-е гг., также испытывают влияние ряда тенденций, имеющих негативный потенциал. Во-первых, сохраняется фактический протекторат ЕС, который посредством верховного представителя имеет право напрямую влиять на внутривнутриполитический процесс в стране. В прошлом авто-

ритарные методы верховных представителей лишь способствовали прочному закреплению у власти в Боснии и Герцеговине мононациональных партий [Jahn, 2015: 68–71]. Не понятно, в чём состоит необходимость сохранения данного инструмента внешнего управления. Очевидно, что положение в Боснии и Герцеговине уже давно не хуже, чем в некоторых других государствах Балкан, где института верховного представителя не существует [Пономарева, 2010: 95]. Во-вторых, в сфере экономических связей роль Москвы постепенно снижается: ранее занимавшая второе место по объёму накопленных в страну инвестиций [Бондарев, 2016: 15], РФ сегодня находится на шестом месте [Deloitte..., 2019: 9]. Как и в отношении других государств Балкан, сказывается несопоставимость экономических возможностей России и стран ЕС. В-третьих, важное значение имеют меняющиеся демографические реалии. Согласно переписи населения 2013 г., доля боснийских мусульман (бошняков) в составе Боснии и Герцеговины достигла 50%, а доля сербов снизилась с 38% в 1996 г. до 31% (с 1870-х гг. по 1960-е гг. она стабильно составляла 43–44%). Данная тенденция потенциально представляет серьёзную угрозу сохранению политической системы “дейтонской” Боснии, в рамках которой Республика Сербская имеет правосубъектность. Это важнейшая предпосылка для развития прямых контактов с Россией.

Заключение: какие возможности есть у России?

В современных реалиях у России есть весьма ограниченные возможности сохранить своё влияние на Балканах. Масштаб конкуренции России и Запада на Балканах зачастую преувеличивается. У государств региона нет свободы рук в выборе геополитической ориентации. Это затрагивает в том числе Сербию и Республику Сербскую, более других заинтересованных в развитии связей с Москвой. Россию рассматривают на Балканах не как альтернативу Евросоюзу, а как внешнего партнёра наподобие Турции. Отдельные государства региона связывают сотрудничество с РФ с перспективой наладить взаимовыгодные экономические связи, особенно в энергетике, а также укрепить электоральные позиции правящих партий. При этом у России нет таких экономических возможностей, какие есть, например, у Китая, а отчасти и у “нефтяных монархий” Персидского залива. В условиях нестабильных цен на нефть и западных санкций роль России в экономике Балкан в дальнейшем может сократиться [Nelaeva, Semenov, 2016: 69].

Украинский кризис подрывает возможности России нарастить своё влияние в Европе за пределами постсоветского пространства. Москва сейчас отрезана от Балкан больше, чем когда-либо со времён создания в регионе национальных государств. Вплоть до разрешения конфликта путь из РФ на Балканы не может проходить через Украину, что усиливает роль обходных маршрутов – через Турцию и Болгарию. Данная ситуация нашла отражение, в частности, в логике строительства “Турецкого потока”.

Цели России на Балканах должны соответствовать её возможностям. В действующей Концепции внешней политики РФ 2016 года не упоминаются ни Балканы в целом, ни отдельные балканские страны. Таким образом, интересы на данном направлении не рассматриваются в числе приоритетных. Данная оценка вполне реа-

листична; она оправдана также с учётом того, что, вопреки распространённым стереотипам, влияние России на Балканах никогда не было преобладающим. Основные задачи российской политики достигались, как правило, при возникновении геополитических комбинаций с участием других великих держав.

Концентрация внешней политики России на постсоветском пространстве и других ключевых направлениях оставляет поле для компромиссов со странами Запада в отношении Балкан [Энтина, 2016: 111]. Однако Запад в настоящее время не нуждается в подобного рода компромиссах, рассматривая Балканы как зону своего исключительного влияния. В данных условиях вполне естественно, что Россия нацелена на сохранение *status quo* на Балканах настолько, насколько возможно [Blank, Kim, 2014: 65].

Политика России на Балканах в последние два десятилетия в целом отличалась прагматичностью и взвешенностью. В настоящее время её ключевыми приоритетами являются завершение строительства и запуск “Турецкого потока”, что призвано усилить позицию России при перестройке экономических связей с Украиной. Кроме того, Москва заинтересована в поддержании стабильно хороших отношений с Сербией и Республикой Сербской и создании системы, при которой отношения с Россией не зависели бы от того, какие конкретно политические силы находятся у власти в Белграде и Бая-Луке. Естественным полем для активизации дипломатии России, её экономических рычагов и “мягкой силы” по-прежнему является Болгария, несмотря на все постигшие Москву неудачи в процессе развития двусторонних отношений. Существует также объективная потребность в том, чтобы очертить рамки в процессе раскручивания межцерковного противостояния, в которое, к сожалению, втягиваются всё новые и новые участники.

Безусловно, возможности российской дипломатии на Балканах серьёзно различаются в зависимости от конкретной страны. По аналогии с Турцией, которая уделяет большое внимание отдельным странам, регионам и диаспорам (Босния и Герцеговина, Албания, Косово, сербский Санджак, турецкое меньшинство в Болгарии), для России естественна концентрация на отдельных направлениях: Сербия, Босния и Герцеговина, потенциально – Болгария, развитие прагматических, по возможности неполитизированных контактов с Грецией, Словенией, Хорватией. В будущем могут быть предприняты попытки вновь найти точки соприкосновения с Черногорией и Северной Македонией при условии политических перемен в данных странах. В случае Румынии и Албании серьёзных перспектив развития отношений не прослеживается практически ни при каком сценарии.

Список источников и литературы

Бондарев Н.В. (2016) Россия и Республика Сербская: история отношений, перспективы сотрудничества, *Проблемы национальной стратегии*, № 3, с. 9 – 25.

Вишняков Я.В., Пономарева Е.Г. (2018) Сербия на Балканах: изобретение “порохового погреба Европы”, *Современная Европа*, № 7, с. 108 – 121.

Никифоров К.В. (ред.) (2017) *История Балкан*, т. 4, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия, 504 с.

Кандель П.Е. (2018а) Грозит ли Балканам дестабилизация?, *Мировая экономика и международные отношения*, № 3, с. 50–58.

Кандель П.Е. (2018б) Что нового в стратегии ЕС на Западных Балканах, *Современная Европа*, №5, с. 17–24.

Кравец С.Л. (2019) Анамнез раскола: историко-политическая подоплека украинского томоса, *Россия в глобальной политике*, № 1, с. 46 – 62.

Пономарева Е.Г. (2010) *Новые государства на Балканах*, Изд-во МГИМО, Москва, Россия, 252 с.

Пудовкин Е., Басисини А. (2018) Границы ставят на карту. Сможет ли обмен территориями помирить Сербию и Косово, *Ежедневная деловая газета РБК*, 30.08.2019.

Скрыльников П., Приймак А. (2018) Афонские единомышленники Москвы, *Независимая газета*, 18.07.2018.

Энтина Е.Г. (2016) *Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан*, Доклад Института Европы РАН № 333, ИЕ РАН, Москва, Россия, 130 с.

Энтина Е.Г., Пивоваренко А.А., Новакович Д. (2018) *Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России*. Доклад Валдайского клуба, сент. 2018 г. 31 с. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/21567/> (дата обращения: 01.09.2019).

References

Amadio Vicerè M.G. (2018) *The High Representative and EU Foreign Policy Integration. A Comparative Study of Kosovo and Ukraine*, Palgrave Macmillan, Cham, 274 p.

Bechev D. (2018) Why Did Greece Turn Against Russia? *Foreign Policy Research Institute*, 18 p. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/11/bssp3-bechev-.pdf> (accessed: 13.11.2019).

Belloni R. (2016) The European Union Blowback? Euroscepticism and its Consequences in the Western Balkans. *Journal of Intervention and Statebuilding*, vol. 10, no. 4, pp. 530 – 547.

Blank S., Kim Y. (2014) Moscow versus Brussels: Rival Integration Projects in the Balkans, *Mediterranean Quarterly*, vol. 25, no. 2, pp. 61 – 84.

Bobić M. (2015) “Congruous or Conflicting? Great Power Configurations in the Balkans”, in: Klieman A. (ed.) *Great Powers and Geopolitics. International Affairs in a Rebalancing World*, Springer, Cham, pp. 87–113.

Bondarev N.V. (2016) Rossiya i Respublika Serbskaya: istoriya otnosheniy, perspektivy sotrudnichestva. *National Strategy Issues*, no. 3, pp. 9–25.

Deloitte Guide for Investing in Bosnia and Herzegovina, April 2019 (2019) URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ba/Documents/about-deloitte/ba_sbf-investing-guide.pdf (accessed: 18.11.2019).

Dreijack S. (2016) “The Western Balkans Inside, Outside and Between the European Union: About the Nexus Between Regional Cooperation, European Integration and Security Sector Reforms”, in: Bruns B., Happ D., Zichner H. (ed.) *European Neighbourhood Policy. Geopolitics Between Integration and Security*, Palgrave Macmillan, London, 242 p.

Entina E.G. (2016) Mezhdunarodnyy kontekst evrointegratsii Zapadnykh Balkan, *Doklad Instituta Evropy № 333*, IE RAS, Moscow, Russia, 130 p.

Entina E.G., Pivovarenko A.A., Novakovich D. (2018) “Kuda idut Balkany? Novaya paradigma sotrudnichestva dlya Rossii. Doklad Valdayskogo kluba, Sept. 2018. 31 p.”, available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/21567/> (accessed: 01.09.2019).

Filis K. (2017) “Greece – Russia: Seeking a Firm Orientation Between Aspirations and Reality”, in: Litsas S.N., Tziampiris A. (eds.) *Foreign Policy Under Austerity. Greece's Return to Normality?*, Palgrave Macmillan, London, pp. 227 – 259.

Goşu A. (2016) The Future of Romanian-Russian Relations in the Trump Era, *Studia Politica: Romanian Political Science Review*, vol. XVI, no. 4, pp. 569 – 576.

Jahn E. (2015) International Politics. Political Issues Under Debate, vol. 1, Springer-Verlag, Berlin; Heidelberg, 274 p.

Kandel P.E. (2018a) Grozit li Balkanam destabilizatsiya?, *World Economy and International Relations*, No. 3, pp. 50–58.

Kandel P.E. (2018b) Chto novogo v strategii ES na Zapadnykh Balkanah. *Contemporary Europe*, no. 5, pp. 17–24.

- Kovačević M. (2019) Understanding the Marginality Constellations of Small States: Serbia, Croatia and the Crisis of EU-Russia Relations, *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 27, issue 1, pp. 1–15.
- Kravets S. (2019) Anamnez raskola: istoriko-politichesкая podopleka ukrainskogo tomosa, *Russia in Global Affairs*, no. 1, pp. 46–62.
- Maltby T. (2015) Between Amity, Enmity and Europeanisation: EU Energy Security Policy and the Example of Bulgaria's Russian Energy Dependence, *Europe-Asia Studies*, vol. 67, no. 5, pp. 809–830.
- Nelaeva G.A., Semenov A.V. (2016) EU-Russia Rivalry in the Balkans: Linkage, Leverage and Competition. *Romanian Journal of European Affairs*, vol. 16, no. 3, pp. 56–71.
- Nikiforov K.V. (ed.) (2017) *Istoriya Balkan*, vol. 4, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia, 504 p.
- Perju V. (2015) The Romanian Double Executive and the 2012 Constitutional Crisis, *International Journal of Constitutional Law*, vol. 13, issue 1, pp. 246–278.
- Ponomareva E.G. (2010) *Novyye gosudarstva na Balkanakh*, Izd-vo MGIMO, Moscow, Russia, 252 p.
- Pudovkin E., Basisini A. (2018) Granitsy stavyat na kartu. Smozhet li obmen territoriyami pomirit' Serbiyu i Kosovo, *RBC Daily*, 30.08.2019.
- Skrylnikov P., Priymak A. (2018) Afonskiye edinomyshlenniki Moskvy, *Nezavisimaya Gazeta*, 18.07.2018.
- Todorova M. (2009) *Imagining the Balkans*, Oxford University Press, N.Y., 273 p.
- Vishnyakov Y.V., Ponomareva E.G. (2018) Serbiya na Balkanakh: izobreteniyе "porohovogo pogreba Evropy", *Contemporary Europe*, no. 7, pp. 108 – 121.
- Wolff A.T. (2015) The Future of NATO Enlargement after the Ukraine Crisis. *International Affairs*, vol. 91, no. 5, pp. 1113–1121.

The Balkans in the 2010s: Homogenization of the Region under the West's Influence and the Role of Russia

Authors: Kirillov V., Candidate of Sciences (History), Vice-rector for academic Affairs of MGIMO MFA of Russia, Professor of the Department of history and politics of Europe and America. **Address:** 76, Vernadskogo pr., Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** kirillov-victor@rambler.ru

Putintsev I., Assistant to the Vice-rector for academic Affairs of MGIMO MFA of Russia, Deputy Dean of the faculty of pre-University training. **Address:** 76, Vernadskogo pr., Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** isp90@mail.ru

Abstract. The Balkan region has always been a place of intense interaction and rivalry among external powers. The West's influence in the region is currently almost unchallenged, which explains the ongoing homogenization of the Balkans – the development of common features that became less evident in the 20th century. This article examines the tools and consequences of the Western influence on the political development of the region and analyzes the problems that Russia faces in its efforts to maintain and improve the relations with the Balkan countries. Currently, Russia cannot effectively compete with the West for the influence in the Balkans. It requires an adequate and realistic approach towards the Balkans and the concentration of limited resources in certain areas. These aims include the delivery of the TurkStream gas pipeline, good relations with Serbia and the Bosnian Serbs, attempts to restore the cooperation with Bulgaria and preventing further interconfessional dispute among the Orthodox churches in the Balkans.

Key words: Russia, Balkans, Western Balkans, EU enlargement, NATO enlargement, Serbia, Bulgaria, Greece, Romania, Bosnia and Herzegovina.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120205968>